

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ МАРКЁРЫ НЕПОНИМАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В статье предпринимается попытка исследования синтаксических особенностей предложений, содержащих маркёры непонимания. Особое внимание уделяется коммуникативной природе данных предложений с эксплицитными и имплицитными сигналами непонимания.

Ключевые слова: непонимание, эксплицитные и имплицитные маркёры непонимания, синтаксические параметры французского предложения.

Когда речь заходит о коммуникации, правомерным встает вопрос о ее успехе или неуспехе, то есть о достижении или недостижении понимания между ее участниками. Ситуации общения, когда понимание не достигнуто, трактуются учеными как аварийные, проблемные [3], но в то же время естественные, полезные [3] и необходимые [5]. Действительно, с одной стороны, непонимание вносит некую дисгармонию в общение, рушит планы одного из коммуникантов, поскольку ему приходится менять свое коммуникативное поведение, но, с другой стороны, непонимание может выступать как мощный стимул к поиску смысла, продолжению общения, достижению взаимопонимания. Таким образом, можно говорить о продуктивном характере непонимания.

По нашему мнению, неоднозначный характер феномена «непонимание» обуславливает неподдельный интерес к изучению данного явления в современных лингвистических исследованиях. Кроме того, именно непонимание в отличие от понимания является маркированным в языковом плане. Понимание «в норме не проявляется в виде соответствующего речевого акта» [4, с. 533]. Безусловно, понимание может находить свое языковое выражение, если того требует ситуация общения. К примеру, после вопросов, служащих для поддержания разговора *Est-ce clair?* или *Vous comprenez?*, должен следовать ответ, демонстрирующий понимание партнером по коммуникации *C'est clair / Oui, je comprends / J'ai tout compris* или его непонимание *Ce n'est pas tout a fait clair / Je ne comprends pas*; или когда необходимо показать, что непо-

нимание успешно преодолено *Et maintenant je vous comprends*.

Языковая природа непонимания отчетливо прослеживается в тексте художественного произведения, где маркёры непонимания¹ фигурируют в воспроизведении устной речи (диалог/полилог персонажей), в воспроизведении внутренней речи (мысли героев) и/или в письменной речи (автор).

Введение непонимания в речь персонажей делает ее приближенной к реальному общению. По словам Г.Г. Полищук и О.Б. Сиротиной, «впечатление разговорности художественного диалога создается воспроизведением в нем целого ряда особенностей, типичных для разговорной речи» [6, с. 188]. А.Н. Васильева полагает, что речь литературных персонажей жизнеподобна [2] естественной разговорной речи, в ней можно наблюдать разнообразные стилистические средства естественного языка, которые отражают языковую жизнь общества. М.М. Бахтин, в свою очередь, считал, что художественная литература отражает «речевое общение во всем его многообразии и сложности <...> сочетающей слово во всех его словесных возможностях с мыслью, чувством и действительностью» [1, с. 162]. Писатель изображает отрезок жизни и старается выбрать типичные, а не случайные конструкции, не отступающие от языковой нормы, которые употребил бы человек в схожих обстоятельствах при естественной коммуникации: «... в силу имитационной природы художественной литературы достигается универсальная диалогичность текста, в которой разговорная речь принимает активное участие» [7, с. 233].

¹ В данной статье в качестве маркёров непонимания рассматриваются вербальные и невербальные средства выражения непонимания.

Использование ситуаций непонимания в художественном тексте объясняется не только желанием автора сделать общение персонажей более реальным, не следует забывать, что писатель тщательно отбирает языковые средства и подчиняет их эстетической функции всего произведения. Особенности жанра произведения также предъявляют требования к тем или иным формам выражения непонимания. Достаточно ярко это проявляется на синтаксическом уровне. Рассмотрим следующие синтаксические параметры предложений с сигналами непонимания: местоположение предложения (речь персонажа, слова автора), его коммуникативный тип и интонационная окраска.

Нами было проанализировано более 100 художественных произведений современной французской литературы, принадлежащих к различным литературным жанрам: детективный роман, роман-автобиография, фантастический роман, новелла, психологический роман, сказка, женский роман, исторический роман, философский роман, драматическое произведение и др. Каждое предложение с сигналом непонимания было рассмотрено с точки зрения трех выделенных формальных признаков. Для более наглядного представления полученных результатов приведем Таблицу 1, в которую мы включили произведения с полярными показателями как общего количества ситуаций непо-

нимания, так и исследуемых синтаксических коррелятов.

Как видно из данной таблицы, произведения с наибольшей частотностью² возникновения контекстов непонимания принадлежат к драматическому жанру. Текст драматического произведения распадается на две части: реплики героев и немногочисленные ремарки драматурга. Последние ограничиваются сообщением строго фактических сведений: *les bruits sont devenus énormes; il s'arrête; il crie soudain; il sourit drôlement; il toussote; il demande brusquement; il la regarde, satisfait; elle ajoute, un peu gênée; elle rêve; pause; un temps; silence; a part; aux autres; dans un cri; avec colère; plus calme; plus fort* – указывая на действия, жесты, мимику, эмоциональное состояние персонажей, условия коммуникации. Возникающее непонимание выражается в переспросах (119 из 155), в констатации самого факта непонимания (33 из 155), иногда в требовании объяснить непонятое (3 из 155). Восклицательные предложения также имеют место (2 из 155)³.

По мнению Б. Томашевского, одним из признаков драмы является развитие интриги, в разворачивании которой большую роль играют мотивы незнания, которые влекут за собой коммуникативные сбои. Обычно, эта «система незнаний» сложна [8]. В следующем примере участвуют шесть собеседников, один из которых не

Таблица 1. Показатели синтаксических параметров предложений с маркерами непонимания

Автор	Произведение	Частотность маркёров	Расположение		Коммуникативный тип предложения			Интонационная окраска предложения	
			речь персонажа	слова автора	повест.	вопрос.	повул.	воскл.	невоскл.
Beckett S.	En attendant Godot	70,9	60	1	12	48	1	0	61
Salacrou A.	Archipel Lenoir	60,2	51	2	11	40	2	2	51
Anouilh J.	Voyageur sans bagages	39,8	41	0	10	31	0	0	41
			152	3	33	119	3	2	153
Kristeva J.	Possessions	0,4	0	1	1	0	0	0	1
Beigbeder F.	Mémoires d'un jeune homme dérangé	2,2	0	3	3	0	0	0	3
Beauvoir S. De	Mémoires d'une jeune fille rangée	3,1	0	11	9	2	0	0	11
			0	15	13	2	0	0	15

² Под частотностью ситуаций непонимания подразумевается их количество на 100 страниц текста.

³ Определяя интонационный тип предложения, мы ориентировались исключительно на знаки препинания.

в курсе событий, чем и вызвано его непонимание, выраженное в каждой его реплике:

«Hortense: Et pour une fois qu'il ne pleut pas dans ce pays, il faut que M. Lenoir, ce jour-la... / Guillaume: Oncle Victor, expliquez-moi... / Victor: Tiens, c'est toi! Tu n'es pas au courant? / Guillaume: Oui et non... Mais de quoi exactement? / La Princesse: Victor, quand vous les avez laissés tous les deux, ici même, il y a dix minutes... / Victor: Oui. / La Princesse: Ils étaient dans quel état? / Victor: Face a face. / Guillaume: Face a face? / Victor, a Hortense: Je suis a bout de nerfs, moi aussi. / Hortense: C'est une situation si difficile a expliquer. / Guillaume: Quelle situation? / Le Prince: Il sera plus facile de la justifier. / Victor: L'expliquer, c'est la justifier. / Guillaume: Justifier quoi? / Marie-Blanche: J'ai pourtant parlé comme une scientifique, avec précision. / Marie-Thérèse: Je te jure que par instant, Hortense, mon cœur s'arrête» [27, p. 212].

Такой перекрестный разговор – типичное явление для новой драмы, что не только осложняет ситуации непонимания, но и увеличивает их число. В конечном счете, тайны, загадки раскрываются, интриги разоблачаются, и непонимание между партнерами по общению преодолевается. Именно такими являются пьесы великих французских драматургов Ж. Ануя и А. Салакру.

Пьеса С. Беккета «В ожидании Годо» относится к постмодернистской драматургии, получившей общее название «театр абсурда». Ситуации непонимания между персонажами и возникающая вследствие этого бессмыслица играют ключевую роль в произведении:

«– Un sur quatre. Des trois autres, deux n'en parlent pas du tout et le troisième dit qu'ils l'ont engueulé tous les deux. / – Qui? / – Comment? / – Je ne comprends rien... (Un temps.) Engueulé qui? / – Le Sauveur. / – Pourquoi? / – Parce qu'il n'a pas voulu les sauver. / – De l'enfer? / – Mais non, voyons! De la mort. / – Et alors? / – Alors ils ont dû être damnés tous les deux. / – Et après? / – Mais l'autre dit qu'il y en a eu un de sauvé. / – Eh bien? Ils ne sont pas d'accord, un point c'est tout. / – Ils étaient lâ tous les quatre. Et un seul parle d'un larron de sauvé. Pourquoi le croire plutôt que les autres? / – Qui le croit? / – Mais tout le monde. On ne connaît que cette version-lâ. / – Les gens sont des cons» [27, p. 256].

Ситуации непонимания в произведениях второго типа встречаются исключительно в словах автора (15 из 15), преобладают повество-

вательные (13 из 15) невосклицательные (15 из 15) предложения, редко фигурируют вопросительные предложения (2 из 15), которые в основном представляют собой риторические вопросы и вопросы, обращенные к самому себе (повествователю) или читателю.

Существует множество классификаций романов: по временному и содержательному признакам, по литературным школам и направлениям. Каждый из таких типов имеет характерные черты. Произведения с наименьшей частотностью возникновения ситуаций непонимания относятся к так называемому бессюжетному роману, одним из признаков которого является крайняя ослабленность (а иногда и отсутствие) фабулы, легкая перестановка частей без ощутимого сюжетного изменения и т. п. В современной литературе к этому жанру можно отнести романы-автобиографии, дневники, философские романы. Отсутствие собственно коммуникации в подобных произведениях не отрицает возможности появления в них ситуаций непонимания, которое чаще всего носит индивидуальный характер и проявляется в письменной речи, поскольку главным героем является повествователь.

Мемуары С. де Бовуар наполнены мыслями, чувствами писательницы, описанием реальных событий, свидетельницей или участницей которых она была: «Excuse-nous, <...> nous parlions de La Musique intérieure de Charles Maurras...” Je mangeais tristement mon potage. Comment lui faire savoir que j'avais cessé de tourner en dérision les choses que je ne comprenais pas? S'il m'avait expliqué les poèmes, les livres qu'il aimait, je l'aurais écouté» [12, p. 184]. В приведенном примере писательница вспоминает о чувстве неудовлетворенности, обиды и даже горечи, которые рождались в детском сердце каждый раз, когда взрослые отказывались ей что-либо объяснить, полагая, что ребенок не может понять определенных вещей, как, например, «внутренняя музыка». Но, по мнению С. де Бовуар, ребенок способен услышать и понять, о чем говорят взрослые, если постараться вовлечь его в разговор и кое-что пояснить.

Если говорить о мемуарах Ф. Бегбедера, то это больше пародия на мемуары, которая, тем не менее, сохраняет все формальные признаки этого жанра: «La politique m'ennuyait, je ne comprenais rien a la guerre du Liban, je n'avais pas envie d'assassiner mes parents, je n'avais jamais

essayé l'opium, je n'avais pas eu d'expériences homosexuelles...» [13, p. 53].

Предпринятый анализ может быть продолжен рассмотрением произведений не только с полярными показателями. Однако это не является целью настоящей статьи, для нас больший интерес представляет коммуникативная природа предложений с маркёрами непонимания как эксплицитного, так и имплицитного характера. В диаграмме 1 дана частотность использования сигналов непонимания в повествовательных, вопросительных, побудительных предложениях.

Соответствующим речевым актом непонимания является вопросительное предложение [4], данный факт находит подтверждение и в рамках нашего исследования: вопросительные предложения с маркёрами непонимания самые многочисленны (65,5%), несмотря на то что последние носят имплицитный характер. В вопросительном предложении содержится запрос информации: «– Tu nous prends pour des idiots, quand un type comme toi rêve tout haut, ça veut dire quelque chose. / – Qu'est-ce que ça veut dire “un type comme moi”?» [19, p. 21]; побуждение: «– Il n'y a jamais de guerres, de batailles? / – De quoi? Comment dites-vous, je vous prie?» [23, p. 121]; риторический вопрос: «Est-ce du français, ça? Ce doit être du français? Mais qu'est-ce que du français? On peut appeler ça du français, si on veut, personne ne peut le contester, je suis seul à le parler. Qu'est-ce que je dis? Est-ce que je me comprends, est-ce que je me comprends?» [28, p. 115–116]. Большую часть вопросительных предложений составляют устойчивые конструкции (20,39%): Qu'entendez-vous? Qu'est-ce que cela veut dire? Qu'est-ce que ça veut dire? Où voulez-vous en venir? Où veux-tu en venir? Qu'est-

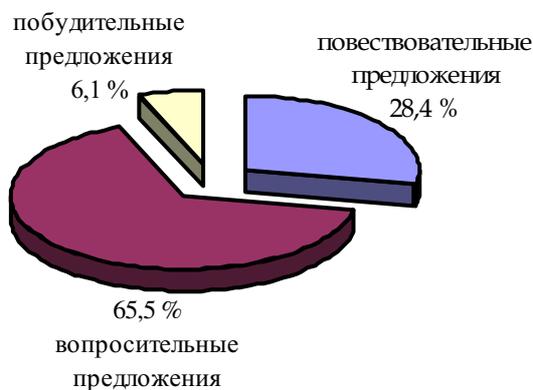

Диаграмма 1. Частотность коммуникативных типов предложений с маркёрами непонимания

ce que c'est? Que voulez-vous dire? Que veux-tu dire? Qu'est-ce que cela signifie? Qu'y a-t-il? Qu'est-ce que tu dis? Que dites-vous?: «– Alors, vraiment, docteur, vous croyez que je suis fou? / – Fou. Qu'est-ce que ça veut dire?» [15, p. 72]; конструкции с pourquoi (15,34%) и comment (4,4%): «– Vous verrez, disait le policier, que ça fera juste trois lignes dans les journaux. / – Pourquoi? / – Parce que!» [25, p. 65]; «– Je suis Miguel Argamasilla, et vous? / – Dupin. / – Comment? / – Oui, je me nomme Dupin, Isidore Dupin, et je fais dans le théâtre!» [22, p. 29]. Для разговорной речи характерны переспросы (7,7%), в которых сохраняется часть предыдущей реплики, указывающей на то, что конкретно не понятно: «– Prête-moi ton revolver? / – Un revolver? Un revolver? Pourquoi faire un revolver?» [17, p. 39]; использование неполных вопросительных предложений с конкретизацией предмета непонимания (5,7%): «– As-tu lu les journaux que je t'ai envoyés? demanda Empoli. / – Non, dit Philippe. Quels journaux?» [31, p. 299–300]; коммуникативов в форме междометий (ah? hey? hé? hein? pardon?), вводных слов (alors? c'est-a-dire?) – 1,67%: «...j'avais envie de trinquer avec plus drôle que mon reflet. / – Pardon?» [14, p. 261].

Маркёры непонимания находят свое выражение во всем структурном многообразии французского повествовательного предложения (28,4%). Для данного коммуникативного типа характерно использование эксплицитных способов выражения: лексических маркёров непонимания. Повествовательное предложение может выражать сам факт непонимания: «La plupart des gens ne cherchent pas à comprendre» [24, p. 146-147]; побуждение: «Je vous prie de vouloir relire» [10, p. 11–12]; долженствование с модальными глаголами во втором лице: «Tu dois comprendre bien ceci, dit-il tout à coup de sa voix habituelle» [26, p. 14–15], с безличными оборотами: «– Il faut d'abord que tu comprennes que proclamer que tu es sûr que Dieu t'envoyait ne peut plus être utile à rien ni à personne» [27, p. 419-420]. Диалогический характер непонимания прослеживается в том случае, если сема «непонимание» содержится в диалогическом единстве: «– Est-ce compréhensible? / – Non, mais cela est» [29, p. 184]; «– ... Si je comprends bien, c'est votre patron? / – Non. Nous n'avons pas de patron» [11, p. 224].

Побудительные предложения, содержащие как эксплицитные, так и имплицитные маркёры

непонимания, не находят широкого употребления в исследуемом материале (6,1%). В большинстве своем они выражают призыв к пониманию: «– Comprenez-moi bien! cria-t-elle. C'est pour lui que je lutte, non pour moi» [18, p. 29-30]; просьбу повторить: «– Quoi? Veuillez répéter ce que vous venez de dire!» [20, p. 412], объяснить: «– Comment ça, casse-pieds? s'écria-t-elle. C'est trop fort! Explique-toi!» [30, p. 62]; пояснить: «– Eclaircz-moi donc. <...> Dois-je penser, que ce n'était pas vrai et qu'on aurait pu me faire économiser <...> sur le prix?» [21, p. 67-68]; говорить громче: «– Ma tante, je suis enceinte, prononça Isabelle. /– Quoi? Parle plus distinctement! / – J'attends un enfant! dit Isabelle en forçant le ton» [16, p. 107-108].

Нередко в одной и той же ситуации непонимания могут фигурировать предложения, принадлежащие к различным коммуникативным типам. В следующем примере непонимание носит напряженный и нарастающий характер, что выражается сначала уточняющим вопросительным предложением, затем констатацией факта непонимания в повествовательном предложении с глаголом *voir* и, наконец, требованием объяснить в форме побудительного предложения с глаголом *expliquer*:

«– Ah! madame! Si un jeune homme, beau, riche, follement épris, avait imaginé pour introduire ici celle qu'il aime... Mais chut!... J'en ai

trop dit! J'ai promis le secret. / – Vous divaguez, Capulat. Quel jeune homme? / – Pas seulement un jeune homme. <...> Ah! madame, au déclin d'une vie sans azur, un sœur romanesque éclate quelquefois d'être mêlé de près a un conte de fées! / – Quel cœur, quel conte de fées? Capulat, je ne vous suis pas. / – Imaginez, Mme, une intrigue troublante, un amour plus fort que les barrières sociales et que le scandale, une passion pure comme la mort, un travesti. <...> / – Mais, Capulat, expliquez-vous, mille tonnerres, au lieu de me pleurer sur la tête!» [9, p. 291–293].

Таким образом, нами установлено, что введение ситуации непонимания в художественное произведение преследует следующие цели: коммуникативную, прагматическую, эстетическую и формальную. Маркеры непонимания фигурируют как в речи персонажей, так и в словах автора; в предложениях различной коммуникативной природы: вопросительных, повествовательных, побудительных; в большинстве случаев без интонационной окраски. Количественное выражение синтаксических параметров предложений с ситуациями непонимания позволяет делать выводы о жанровой принадлежности того или иного произведения, о превалировании эксплицитных или имплицитных сигналов непонимания, составить общую картину о ситуациях непонимания, введенных художественным сознанием.

21.09.2013

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Из черновых тетрадей // Литературная учеба. – 1992. – №5-6. – С. 153-166.
2. Васильева А.Н. Художественная речь. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: ТГУ, 2001. – 177 с.
4. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995 / Редкол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 533-541.
5. Пешковский А.М. Избр. труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 56-57.
6. Полищук Г.Г., Сиротина О.Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 188-199.
7. Сапожникова О.С. Разговорная речь в коммуникативной структуре художественного текста (на мат. франц. яз.): Монография. – Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2001. – 252 с.
8. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 333 с.
9. Anouilh J. La Sauvage. L'invitation au chateau. – P: Éditions de la Table Ronde, 1960. – 434 p.
10. Anouilh J. Le rendez-vous de Senlis. L'Acadia. – P: Éditions La Table Ronde, 1953. – 256 p.
11. Аумй М. Сйрамбард. – P: Éditions Grasset, 1950. – 258 p.
12. Beauvoir S. de Mémoires d'une jeune fille rangée. – P: Éditions Gallimard, 1958. – 368 p.
13. Beigbeder F. Mémoires d'un jeune homme dérangé. – P: Éditions de La Table Ronde, 2001 – 160 p.
14. Boulanger D. Les jeux du tour de ville. – P: Éditions Gallimard, 1983. – 368 p.
15. Butor M. La modification. – P: Éditions de minuit, 1957. – 238 p.
16. Druon M. Les grandes familles. Roman. – P: Éditions Maurice Druon, 1966. – 384 p.
17. Laffitte J. Rose France. – M.: Éditions en langues étrangères, 1953. – 248 p.
18. Maurois A. Les roses de septembre. – L.: Éditions Prosvěstchjníj, 1977. – 144 p.
19. Merle R. Week-end a Zuydcoote. – L.: Éditions Prosvěstchjníj, 1972. – 176 p.
20. Nouvelle française contemporaine du XXe siècle. – M.: Éditions du Progrès, 1981. – 496 p.
21. Roblus E. La croisière. – M.: Éditions Prosvěstchjníj, 1982. – 144 p.
22. Sabatier R. La Sainte farce. Roman. – P: Éditions Albin Michel, 1960. – 368 p.
23. Sabatier R. Les enfants de l'été. Roman. – P: Éditions Albin Michel, 1978. – 318 p.

24. Sarraute N. Les fruits d'or. – P.: Éditions Gallimard, 1963. – 232 p.
25. Simenon G. La première enquête de Maigret. – M.: Éditions de l'École Supérieure, 1981. – 109 p.
26. Soriano M. Le colonel introuvable. – S.-P.: Éditions CARO, 1997. – 112 p.
27. Théâtre français d'aujourd'hui. Livre 1. – M.: Éditions du Progrès, 1969. – 452 p.
28. Théâtre français d'aujourd'hui. Livre 2. – M.: Éditions du Progrès, 1969. – 444 p.
29. Tristan F. Tao le haut voyage. Roman. – P.: Éditions Fayard, 2003. – 334 p.
30. Troyat H. Les Eygletière. P. III. La malandre. – M.: Éditions de l'École Supérieure, 1981. – 181 p.
31. Vailland R. Beau Masque. Roman. – M.: Éditions en langues étrangères, 1960. – 368 p.

Сведения об авторе

Абрамова Елена Константиновна, доцент кафедры романо-германской филологии и МПИЯ
Оренбургского государственного педагогического университета,
кандидат филологических наук, доцент
460021, г. Оренбург, пр. Гагарина, 1, тел. (3532) 332187, e-mail: helene2310@yandex.ru

UDK 811.133.1

Abramova E.K.

Orenburg state pedagogical university, e-mail: helene2310@yandex.ru

SYNTAX PARAMETERS OF SENTENCES WITH THE MARKERS OF MISUNDERSTANDING (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

This article deals with syntax parameters of sentences with the markers of misunderstanding. The author analyzes the communicative nature of these sentences with explicit and implicit signals of misunderstanding.

Key words: misunderstanding, explicit and implicit markers of misunderstanding, syntax parameters of french sentence.

Bibliography

1. Bakhtin M.M. From the rough notebooks // Literaturnaya ucheba. – 1992. – №5-6. – P. 153-166.
2. Vasil'eva A.N. Art speech. – M.: Ruskij yazyk, 1983. – 256 p.
3. Zalevskaya A.A. Text and its understanding: Monografiya. – Tver: TGU, 2001. – 177 p.
4. Kobozeva I.M., Laufer N.I. Interpreting speech acts // Logicheskij analiz yazyka. Izbrannoye. 1988-1995 / Redkol.: N.D. Arutyunova, N.F. Spiridonova. – M.: Indrik, 2003. – P. 533-541.
5. Peshkovskij A.M. Selected works. – M.: Uchpedgiz, 1959. – С. 56-57.
6. Polishchuk G.G., Sirotnina O.B. Conversational speech and literary dialogue // Lingvistika i poetika. – M.: Nauka, 1979. – P. 188-199.
7. Sapozhnikova O.S. Conversational speech in the communicative structure of literary text (on the material of the french language): Monografiya. – N. Novgorod: NGU im. N.I. Lobachevskogo, 2001. – 252 p.
8. Tomashevskij V. Theory of literature. Poetics. – M.: Aspekt-press, 1996. – 333 p.
9. Anouilh J. The Wild. Invitation to the castle. – P.: Edision de la Tabl Rond, 1960. – 434 p.
10. Anouilh J. The Senlis's meeting. Leocadia. – P.: Edision La Tabl Rond, 1953. – 256 p.
11. Аумй М. Clerambard. – P.: Edision Grasse, 1950. – 258 p.
12. Beauvoir S. de The young lady's memoirs. – P.: Edision Gallimar, 1958. – 368 p.
13. Beigbeder F. The young man's memoirs. – P.: Edision de La Tabl Rond, 2001 – 160 p.
14. Boulanger D. The games of city. – P.: Edision Gallimar, 1983. – 368 p.
15. Butor M. The change. – P.: Edision de minuit, 1957. – 238 p.
16. Druon M. The big families. Roman. – P.: Edision Maurice Druon, 1966. – 384 p.
17. Laffitte J. Rose France. – M.: Edision an lang etranger, 1953. – 248 p.
18. Maurois A. The roses of september. – L.: Edision Prosvĭstchĭnĭj, 1977. – 144 p.
19. Merle R. The Week-end in Zuydcoote. – L.: Edision Prosvĭschĭnĭj, 1972. – 176 p.
20. Modern french novel in the XXth century. – M.: Edision du Progre, 1981. – 496 p.
21. Robles E. The cruise. – M.: Edision Prosvĭstchĭnĭj, 1982. – 144 p.
22. Sabatier R. The Saint farce. Roman. – P.: Edision Albin Michel, 1960. – 368 p.
23. Sabatier R. The children of summer. Roman. – P.: Edision Albin Michel, 1978. – 318 p.
24. Sarraute N. The golden fruits. – P.: Edision Gallimar, 1963. – 232 p.
25. Simenon G. The first Maigret's enquiry. – M.: Edision de l'Ekol Superior, 1981. – 109 p.
26. Soriano M. The elusive colonel. – S.-P.: Edision KARO, 1997. – 112 p.
27. Modern french theatre. Book 1. – M.: Edision du Progre, 1969. – 452 p.
28. Modern french theatre. Book 2. – M.: Edision du Progre, 1969. – 444 p.
29. Tristan F. Tao the big travel. Roman. – P.: Edision Feyar, 2003. – 334 p.
30. Troyat H. Family Eygletiere. P. III. The rot. – M.: Edision de l'Ekol Superior, 1981. – 181 p.
31. Vailland R. Beautiful Mask. Roman. – M.: Edision an lang etranger, 1960. – 368 p.